

Исторические науки

УДК 393

Голант Н. Г.,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург*

**Дерево в погребальной обрядности румын
(по материалам из Олтении и долины реки Тимок)
Продолжение (начало в предыдущем номере журнала “Abyss”)**

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-2-133-144

Во второй части статьи будет рассмотрена обрядовая семантика дерева в румынской погребальной обрядности, а также ее отражение в некоторых обрядовых фольклорных текстах. Цитируемые фольклорные тексты записаны румынскими и сербскими этнологами и фольклористами на территории Олтении, Баната и Трансильвании (Румыния) и сербской части долины Тимока. Кроме того, производится сопоставление роли дерева в обрядах перехода (погребальных и свадебных) у румын и некоторых соседних народов.

Ключевые слова: *румыны, влахи, погребальный реквизит, терминология, фольклорные тексты.*

Исследовательская работа выполнена в рамках проекта РНФ «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Golant N. G.,

*Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of RAS*

**A tree in the funeral rites of the Romanians
(based on materials from Oltenia and the Timok Valley)**

Continued (beginning in the previous issue of Abyss magazine)

In the second part of the article, the ritual semantics of the tree in the Romanian funeral rites, as well as its reflection in some ritual folklore texts, will be considered. The quoted folklore texts were recorded by Romanian and Serbian ethnologists and folklorists on the territory of Oltenia, Banat and Transylvania (Romania) and the Serbian part of the Timok valley. In addition, a comparison of the

role of the tree in the rites of passage (funeral and wedding) of the Romanians and some neighboring peoples is made.

Keywords: *Romanians, Vlachs, funeral props, terminology, folklore texts.*

Обрядовая семантика

Среди упоминающихся значений «дерева покойника» встречаются такие, как «символ посмертной свадьбы», «источник тени (для комфорта умершего)», «место отдыха души умершего».

Представление о дереве как о знаке «посмертной свадьбы» распространено у румын Олтении (оно зафиксировано, в частности, в округах Долж, Горж, Мехединци, Вылча, Олт), Трансильвании (повсеместно), Мунтении (округ Джурджу и другие.) [Sărbători și obiceiuri... I. Oltenia 2001: 180; Sărbători și obiceiuri... III. Transilvania 2003: 186; Sărbători și obiceiuri... V. Dobrogea, Muntenia 2009: 199].

В коммуне Мэлая округа Вылча говорят о покойнике, умершем неженатым: «похороны – его свадьба» [Голант 2008: 308].

Атрибутом «посмертной свадьбы» дерево считается также у румын (влахов) в г. Брегово одноименной общины, в селах Флорентин общины Ново Село, Гомотарци и Дружба общины Видин Видинской области Болгарии [Atlasul etnografic... 1. Timoc 2011: 67]. Повсеместно именно это значение приписывается «дереву покойника» у румын в северных придунайских районах Болгарии (окрестности Врацы и Плевена) [Atlasul etnografic... 2. Valea Dunării 2011: 67].

Согласно информации, приводимой Ф. Паунеловичем, в румынских (влашских) селах общин Болевац и Бор в случае смерти неженатого молодого человека или незамужней девушки похоронную процессию сопровождали музыканты, перед гробом несли украшенное деревцо сливы, а за гробом шли двое людей с флагами – это делалось потому, что у покойника не было свадьбы, поэтому похоронная процессия должна была напоминать свадебную [Paunjelović 2018: 121].

Нередко «дерево покойника» воспринимается как источник тени, обеспечивающей умершему более комфортное пребывание на том свете. Такие сведения были записаны, в частности, в Олтении (округа Долж, Мехединци, Вылча, Олт) и в болгарской части долины Тимока в Видинской области – в селах Раброво общины Бойница, Тополовец общины Кула, Дружба и Покраина общины Видин [Sărbători și obiceiuri... I. Oltenia 2001: 180; Atlasul etnografic... 1. Timoc 2011: 67].

Иногда эти два значения могут совмещаться – например, по сведениям из сел Пояна и Слэтиоара округа Вылча (Олтения) покойникам, состоявшим в браке, не нужно дерево, потому что на том свете у них будет тень от свадебного дерева [Sărbători și obiceiuri... I. Oltenia 2001: 180]. Аналогичное представление встречается в с. Сухая в округе Телеорман (Мунтения, практически на границе с Олтенией) – ‘дерево покойника’ (*brad*) делают для тех, у кого не было такого

дерева на свадьбе, чтобы у них на том свете была тень [Sărbători și obiceiuri... V. Dobrogea, Muntenia 2009: 199].

Представление о дереве на могиле как о месте отдыха души умершего обнаруживается в уже упоминавшейся книге С.-Д. Шолкотович, посвященной обрядам перехода у румыноязычного населения восточной Сербии, в которой упоминается, что дерево на кладбище в народном имаджинариуме является местом, где душа будет отдыхать после того, как обойдет те места, где бывала при жизни, и что прохожие будут срывать с дерева фрукты и благословлять умершего (из текста неясно, имеются ли в виду фрукты с плодового дерева, которое должно приняться на могиле – как мы видели ранее, принимается оно далеко не всегда, или же о яблоках или других фруктах, которыми украшают «дерево покойника» перед похоронами)¹ [Šolkotović: 74].

В качестве поминального дара, как мы уже видели выше, само «дерево покойника» выступает, в частности, в коммуне Тулничь округа Вранча в румынской Молдове – здесь сливу или другое плодое дерево преподносят в дар семье крестного (венчального кума?) покойника вместе с развешанными на нем предметами его одежды [ПМА 2012]. Обычай помещать на «дерево покойника» поминальные дары во время церемонии похорон зафиксирован, в частности, в румынской Добрудже (округа Тулча и Констанца) и у румын (влахов) восточной Сербии (община Заечар Заечарского округа) [Sărbători și obiceiuri... V. Dobrogea, Muntenia 2009: 201; ПМА 2022]. Также на «дерево покойника» могут размещать и дары, раздаваемые во время поминального кругового танца, который могут устраивать, например, через год после смерти (такой обычай зафиксирован у румын Олтении) [Sărbători și obiceiuri... I. Oltenia 2001: 186].

Фольклорные тексты

Как можно было убедиться из сказанного выше, наиболее часто используемым в качестве погребального реквизита деревьями и на рассматриваемой нами территории (Олтения и долина Тимока), и в целом на территории расселения румын являются пихта / ель, яблоня и слива. Упоминания пихты / ели (*brad*) и яблони (*măr*) встречаются в текстах обрядовых песен, связанных с погребением.

В некоторых населенных пунктах Румынии зафиксированы сведения, согласно которым доставка «дерева покойника» в село, внесение его во двор и украшение либо несение в похоронной процессии на кладбище могло сопровождаться причитаниями или исполнением обрядовых песен – в частности, в различных населенных пунктах округов Долж, Горж, Мехединци, Олт, Вылча (Олтения), Алба, Клуж, Хунедоара (Трансильвания). По некоторым сведениям, исполняли особую обрядовую песню – *Cântecul bradului* ('Песня пихты / ели') – например, в с. Кыйнений Марь округа Вылча (Олтения), в ряде сел округов Хунедоара и Алба (Трансильвания) и другие. [Sărbători și

¹ Нужно упомянуть, что в ряде районов карпато-балканского региона встречается запрет есть фрукты с деревьев, растущих на кладбище: так, например, в Боснии зафиксированы сведения, что от этого можно заболеть водянкой, в Польше – что от этого можно потерять зубы и так далее [Плотникова 1999: 504].

obiceiuri... I. Oltenia 2001: 183; Sărbători și obiceiuri... III. Transilvania 2003: 186–187]. В работах румынских фольклористов и этнологов можно найти сведения, согласно которым такая песня в некоторых населенных пунктах может называться также «Plorul» ('Тополь'), «Fagul» ('Бук'), «Gorunul» („Дуб“), «Cu sulia» („С пихтой / елью“ (букв. „С копьем“)), «Ale sulitei» („(Песни) пихты / ели“ (букв. „(Песни) копьа“) – в зависимости от того, какое именно дерево использовалось в том или ином селе и каково было его название как обрядового реквизита [Kahane, Georgescu-Stănculeanu 1988: 21; цит. по: Паня 2017: 53]. Румынский этнолог Николае Паня называет «Песнь ели / пихты» дополнительным фрагментом погребального цикла, характерного для похорон неженатых и незамужних, и приводит в пример текст из с. Рунку (округ Горж, Олтения), в котором говорится о том, что дерево обманывают, обещая сделать балкой в доме или *зыной*² в колодце [Паня 2017: 52, 161–162]. Тексты «Песнь ели / пихты», встречающейся в погребальной обрядности румын Олтении, Баната и Трансильвании, обычно составлены в форме диалога, где присутствует вопрос, почему ель / пихта оставила место, где росла, и ответ, в котором может рассказываться, кто и как выбирал, рубил, нес / вез и украшал дерево [Паня 2017: 52–53, 161–163]. Например, начало песни “Bradul” из с. Чербэл округа Хунедоара выглядит так:

Șetină de brad,	Хвойная ель,
Șe ți-ai doblicat,	Что ты склонилась,
Din codru-ai plecat?	Из леса ушла?
–Io m-a, doblicat,	–Я склонилась,
La mini-or mânat	Меня направили
Trii voiniș din sat,	Трое молодцев из села,
În codru-i mânară,	По лесу шли,
Pă mine m-aflară,	Меня обнаружили,
Fain mă cățără,	Меня подняли,
Șetina m-o luară	Взяли меня, хвойную,
Și cu mine plecară,	И со мной ушли,
P-o rară cărare,	По нехоженой тропе,
Pe-o rază de soare.	По лучу солнца ³ .

[Kahane, Georgescu-Stănculeanu 1988: 658]

Встречаются песни, в которых пихту / ель напрямую называют невестой или женой умершего (пример такой песни, записанной в окрестностях г. Орэштие (округ Хунедоара, южная Трансильвания), приводит С. Фл. Мариан:

Voinice, voinice!	Молодец, молодец,
Nu-mi place, nu mi-place,	Мне не нравится, мне не нравится,
Ce nevastă-mi ai!	Какая у тебя жена!
Naltă minunată,	Удивительно высокая,
Naltă și subțire	Высокая и тонкая,
Crescută-n pădure,	Выросшая в лесу,
Tăiată-n secure.	Срубленная топором.

² *Зына* (*zână*, мн. ч. *zâne*) – в румынской народной мифологии персонаж (как правило, положительный) в образе прекрасной женщины, обладающей сверхъестественной силой и даром бессмертия [Dicționarul explicativ... 1998].

³ Здесь и далее перевод Н.Г. Голант.

[Marian I 2008: 235]

У румын (влахов) восточной Сербии пихта или ель (*brad*) и яблоня (*măr*) упоминаются в песнях, которые сербский исследователь румынского (влашского происхождения обозначает термином *petrecătură*, что можно перевести, как ‘песня проводов’ или как ‘песня перехода’. Согласно текстам таких песен, которые содержат описание пути на тот свет, дерево находится в начале пути покойника в мир иной. Например, в «песне перехода» из с. Рановац (община Петровац на Млаве, Браничевский округ) об этом говорится так:

La val'e, la zavrñit,
 Marje brad mî-a rasarit,
 Cu vîrvârju pân-la sérĭ,
 Şi cu pòal'e đospră mărĭ,
 Dî la vîrf pân-la pămînt,
 Tot je aur şi arzînt,
 Dòamne nu je pră pamînt.
 Îacă al mortu mî-azunza-re,
 Şi de Brad s-apropiia-re
 Şi-nserja dă să ruga-re:
 “Brađe, Brađe, fraća-Brađe,
 Îa pl'acăt vîrvăril'i-re,
 Dă să-m suĭ spačil'i-re”⁴.

В долине, на склоне,
 Выросла большая ель (пихта)
 С верхушкой до неба
 И с нижними ветками до моря,
 От верхушки до земли
 Вся из золота и серебра,
 Господи, нет (такой) на земле.
 Вот умерший пришел,
 И к ели (пихте) приблизился
 И начал молить:
 «Ель (Пихта), Ель, братец Ель,
 Протяни верхушки,
 Чтобы я мог взобраться»

[Gacović 2012: 67]

В некоторых румынских (влашских) «песнях перехода», записанных в восточной Сербии, в качестве дерева у входа в мир иной упоминается не ель/пихта, а яблоня (как, например, в песне из с. Брестовац общины Бор Борского округа):

...Ma să daĭ dăspră đirĭapta,
 Dăspră roşu răsarit
 Îesc un măr mărije-n florit,
 Tot pomîntu-a cutrupit.
 Da su-măr šíne şeda-re?
 Şed kiñej cu kiñejiĭă,
 Şi kimeţ cu kimeciĭă,
 Şi pisarĭ cu pisariĭă...
 [Gacović 2012: 93]

Иди направо,
 К красному восходу,
 (Там) есть большая цветущая яблоня,
 Она накрыла всю землю.
 А под яблоней кто сидит?
 Сидят кнезы с женами,
 И кметы⁵ с кметками,
 И писари с женами...

В румынской литературе мы находим обозначение подобных песен терминами *zorile* (‘песни зорь’), *petrecerea mortului* (‘провода умершего’) и другие. [Kahane, Georgescu-Stănculeanu 1988: 505–507; Marian III 1995: 117].

Так, в песне из Баната, цитируемой С. Фл. Марианом в соответствующем разделе «Трилогии жизни» и озаглавленной *petrecerea mortului* (‘провода умершего’), говорится:

Apoi iar să mi te duci

Потом ты снова пойдешь,

⁴ Этот и следующий фрагменты фольклорных текстов, взятые из книги С. Гацовича, приводятся в системе записи, заимствованной им из Румынского лингвистического атласа, вышедшего под редакцией Э. Петровича [см., например, Atlasul lingvistic... I 1955].

⁵ Слова *kiñeji* (в рум. орфографии *chineji*, *sneji* – мн.ч., *chinez*, *snez*, *sneaz* – ед.ч., от серб. *кнез* или венг. *kenéz*, ср. рус. и укр. *князь*) и *kimeţ* (в рум. орфографии *chimeţi* – мн.ч., *chimet* – ед. ч. < серб. и болг. *кмет*) здесь можно перевести как ‘главы поселений’ [Cioarănescu 2007: 180; Micul dicţionar 2010].

Până când vrei s-ajungi
 L-al măr mare de Sân-Petru
 Cu ajutorul lui Sân-Medru.
 Măru-i mare și rotat
 Și de poale aplecat
 Cu vârful ajunge-n cer
 Cu poalele pân-la mări
 Și pe vârful e înflorit
 Iar pe poale împupit.
 Jos la rădăcină
 E lină fântână;
 Acolo-i Sânta-Marie
 Cu noi mila ei să fie.
 Călători, câți mai trecea,
 Ea spre toți îi adăpa,
 Drumurile le-arăta...
 [Marian III 1995: 117]

Пока не достигнешь
 Большой яблони св. Петра
 С помощью св. Димитрия.
 Яблоня большая и раскидистая
 С поникшими нижними ветками
 Верхушкой достгает неба
 Нижними ветвями – морей
 Верхушкой цветущая,
 Нижними ветвями подгнившая.
 Внизу, у корней
 Есть тихий источник;
 Там святая Мария,
 Да пребудет с нами ее милость.
 Путников, сколько их прошло мимо,
 Она всех поила,
 Всем указывала дорогу...

Сходный фрагмент обнаруживается в песне, записанной в с. Рунку (округ Горж, Олтения) и отнесенной к поджанру *zorile din casă* (“песни зорь, исполняемые в доме”), приведенной в книге румынских исследовательниц Марианы Кахане и Лучии Джеорджеску-Стэнкуляну:

...Și naintea ta
 Un pom îi vedea,
 Un pom înflorit,
 Iel îi Duomnu sfânt.
 Jos să-i îngenunți,
 Poale să-i săruți,
 Să-mi tie îndrepte,
 La mâna direaptă,
 Că-i calia curate,
 Cu boii arată...

...И перед собой
 Ты увидишь дерево,
 Цветущее дерево,
 Это святой Господь.
 Преклони колени,
 Целуй его подножие,
 Оно тебя направит
 В правую сторону,
 Потому что там чистая дорога,
 Вспаханная волами...

[Kahane, Georgescu-Stănculeanu 1988: 505–507]

В этих песнях дерево предстает как метафора дороги, как путь, по которому можно достичь загробного мира, что является характерным мотивом и для славянских поверий и обрядов, связанных со смертью (ср., в частности, обрядовую фразеологию: «уйти в кокорье», «глядець ў дуба», «дубеть» и другие. в значении «умирать»), поминальные игры, имитирующие лазание по стволу, поверья о русалках (умерших девушках или детях), спускающихся с деревьев на землю на Троицкой неделе и по окончании ее тем же способом возвращающихся на «тот свет» и другие. [Агапкина 1995: 158–161].

Ель / пихта может упоминаться и в текстах заговоров, читаемых у постели тяжелобольного с целью помочь ему либо выздороветь, либо быстро умереть. Такой заговор читали над водой или вином, которым затем поили больного. Приведем отрывок такого текста из румынского села Бигреница общины Чуприя Поморавского округа Сербии и называемого *Apa (vinu) a lu Dumnedzău* ‘Вода (вино) Господа Бога’. В тексте говорится о поисках Иисуса «святой матерью Марией» и «святой матерью Пречистой» (в этом заговоре, как

и в некоторых других, это разные персонажи), о его смерти и последующем воскресении:

Că Țevrei la luvat
Și la oltar la-ngropat
Și bȃeau vin
Și manîncă.

Cînd cocoși în dunga
Qal'i va cînta
Și Dumne-Țău v-a-nviia,
Cîn vinu în viîne să va dușa
Și va pupi și va lăstări,
Atunș și Dumne-Țău v-a-nviia.

Ții la blăstămat și la-ngropat
Cu mugurjel dă fag
Și cu cuîșor dă brad.

[Гацовић 2002: 49–50].

Потому что евреи его взяли,
И в алтаре его похоронили,
И пили вино,
И ели.
Когда петух на кайме
Горшка запоет,
И (тогда) Господь Бог оживет,
Когда вино потечет по венам
И проклянется и прорастет (?),
Тогда и Господь Бог оживет.
Его проклинали (закляли) и похоронили
С почкой бука
И с пихтовым (еловым) клином.

Возможно, в последних строках приведенного отрывка, где упоминаются пихта / ель и бук, содержится отсылка к распространенному у румын обычаю сажать на могиле дерево (как мы могли убедиться выше, буквое дерево в некоторых населенных пунктах Румынии также могло служить «деревом покойника»). Однако следует отметить, что чаще всего в обрядовой поэзии погребально-поминального цикла упоминаются пихта / ель и яблоня.

Заключение

Пихта / ель (*brad*) в традиционной румынской картине мира является символом молодости и доблести. С этим можно связать и присутствие этого дерева в свадебном обряде румын, и похороны «с пихтой / елью» покойников, умерших молодыми, в первую очередь тех, кто не состоял в браке. В трехтомнике С. Фл. Мариана «Румынская народная ботаника», опубликованном после его смерти, в одном фрагменте, посвященном пихте / ели, сказано, что это именно дерево наиболее часто присутствует как элемент погребального реквизита на всей территории расселения румын, в другом (там, где идет речь о похоронных обычаях в окрестностях г. Ватра Дорней в округе Сучава в румынской Буковине) – о том, что пихта / ель может использоваться по причине слабого развития садоводства и, соответственно, малого числа плодовых деревьев в том или ином регионе [Marian I 2008: 234, 236]. В своей «Трилогии жизни», в разделе, посвященном похоронной обрядности, Мариан выводит румынский обычай использовать пихту / ель в качестве «дерева покойника» из римского обычая, упоминаемого, в частности, в текстах Вергилия и Горация, ставить перед домом умершего кипарис в знак траура (причем в северных провинциях, где кипарис не рос, его могли заменять пихтой или елью) [Marian III 1995: 75].

Про яблоню (и плодое дерево, обычно обозначаемое словом *rom*, в принципе) Мариан пишет, что ее присутствие в семейной обрядности румын связано с христианскими представлениями о рае и что «христианская» яблоня отчасти заменила в погребальных обычаях «языческую» пихту или ель [Marian III 1995: 115].

Указание на частое использование в качестве «дерева покойника» на территории проживания румын в работе Мариана присутствует также в «фитопортрете» сливы. Слива, как и пихта или ель, может присутствовать и в свадебной обрядности. Так, встречаются сведения, согласно которым венки из сливовых веток присутствовали у румын в обряде венчания. Можно вспомнить также о том, что плоды сливы (опавшие) использовались в любовной магии (в частности, у румын Трансильвании) [Marian III 2010: 113–114].

Присутствие дерева в погребальной обрядности румын, по-видимому, в определенной мере является отражением метафорического представления о похоронах как о свадьбе покойника. Дерево, как мы могли убедиться выше, присутствует и в свадебном ритуале во многих местностях, населенных румынами, – в Олтении, Мунтении, Трансильвании, Молдове и другие. (его могут нести в свадебной процессии, помещать на забор дома, где проходит свадьба, и так далее). Зачастую дерево, присутствующее в свадебном и погребальном ритуале, одной и той же породы; в ряде случаев оно обозначается как обрядовая реалья одним и тем же термином [см., например: Голант 2008: 302, 304, 308; Голант 2011: 145–150]. У влахов восточной Сербии фиксируется присутствие дерева (яблони) в обряде покрывания головы невесты (по одним сведениям, невесте надевали фату под яблоней, по другим – под яблоней с новобрачной снимали фату и повязывали платок) [Paunjelovic 2018; ПМА 2022]. Присутствие в свадебной обрядности яблони, по-видимому, связано с символикой плодородия, отраженной также в румынском фольклоре, в частности, в сказках, где упоминается о том, как герой (Фэт-Фрумос) был зачат после того, как его мать съела волшебное яблоко [Ispirescu 1967]. Подобные представления об этом дереве существуют и в других регионах мира – так, о роли яблони в магических практиках народов Центральной Азии, направленных на излечение от бесплодия, упоминается в «Золотой ветви» Фрезера [Фрезер 1980]. Румынские этнологи и фольклористы на основании анализа фольклорных текстов утверждают, что и ель / пихта (*brad*), и яблоня (*măr*) может являться мировым деревом, *axis mundi* [Evseev 2001: 23, 112–113].

Что касается обрядов жизненного цикла соседних народов, то нужно отметить, что присутствие дерева в свадебной обрядности достаточно широко распространено в карпато-балканском регионе – оно встречается, в частности, у болгар, македонцев, сербов, украинцев, словаков и другие., причем в разных регионах и населенных пунктах это могут быть разные виды деревьев [Кайндль 2000: 27; Седакова 2004: 258; Трефилова 2006: 261; Якушкина 2006: 316; Узенёва 2008: 338; Валенцова 2012: 314; Макаријоска 2016: 440]. Обычай нести дерево в похоронной процессии и помещать его на могиле в прошлом существовал и у соседних народов – болгар, сербов, украинцев (гуцулов) и другие. По сведениям, приводимым Р.Ф. Кайндлем, на похоронах ребенка или не состоявшего в браке взрослого деревце (*дереуце*), украшенное красными и белыми шерстяными нитками, несли перед гробом, а затем устанавливали на могиле [Кайндль 2000: 170]. У болгар Южной (болгарской) Добруджи деревце несли в погребальной процессии на похоронах молодых людей и девушек, не

вступивших в брак. Такое деревце в одних селах называлось *байрак* ‘знамя’ (термин совпадает с названием свадебного знамени), в других – *клон* ‘ветка’. На похоронах девушки на дерево могли вешать предметы из ее приданого, а ее избранник нес дерево, а затем забирал эти дары себе [Генчев 1974: 296–297]. У сербов этот обычай исполняли в тех случаях, когда хоронили людей, умерших молодыми [Ђокић 1997 (цит. по: Бизеранова 2013: 229)]. Встречаются сведения, согласно которым у сербов считалось, что душа человека находит успокоение в дереве, растущем на его могиле [Агапкина 1995: 158–161; Плотникова 1999: 503]. По сведениям, записанным в центальных районах Сербии, распространенным является обычай сажать на кладбище плодовые деревья – черешню, сливу, грецкий орех. У поляков, наоборот, встречается обычай сажать на кладбищах деревья, не дающие плодов – ель, вербу и другие. [Плотникова 1999: 503].

Метафорическое представление о смерти как о свадьбе встречается у целого ряда балканских народов – в частности, у румын, молдаван, болгар, сербов [Mustea 1925: 31 (цит. по: Чобану-Цуркану 2010: 392)]. Выражение этой метафоры обнаруживается, в частности, в «Антигоне» Софокла. В румынской народной культуре мотив «смерть-свадьба» ярко выражен в пастушеской балладе «Миорица», многочисленные варианты которой зафиксированы в различных областях, населенных румынами. Однако нужно отметить, что для вариантов этой баллады, записанных в долине Тимока, этот мотив нехарактерен (из всех известных автору тимокских вариантов «Миорицы» он присутствует только в варианте, записанным Кристей Санду Тимоком в с. Александровац (старое название Злокуче) и, вероятно, сложившемся благодаря знакомству лаутара с «каноническим» текстом Миорицы, опубликованным В. Александри [Sandu Timoc 1967]).

Присутствие «дерева покойника» характерно для погребальной обрядности обеих рассматриваемых зон – Олтении и соседней с ней долины Тимока. В Олтении, судя и по сведениям, приводимым в румынской этнографической литературе, и по полевым материалам автора, преобладает использование в этом качестве пихты / ели, тогда как у румын (влахов) долины Тимока преобладает использование плодового дерева – в первую очередь яблони или сливы (особенно это касается именно зон, населенных носителями олтенских говоров). Также у румын Олтении более очевидными являются параллели между погребальной и свадебной обрядностью, выражающиеся и в действиях, производимых с деревом, и в соответствующих обрядовых фольклорных текстах.

Список литературы

Агапкина 1995 – Агапкина Т. А. Дерево // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Ред. В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С. М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995. С. 158–161.

Бизеранова 2013 – *Бизеранова С.* Между живота и смъртта. Погребални и поменални обичаи при българи и власи във Видинско. Враца: Алекспринт, 2013.

Валенцова 2012 – *Валенцова М. М.* Этнолингвистическое обследование села Гельпа на Верхнем Гроне // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. 2009–2011. Вып. 2. / Отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 298–327.

Гацовић 2002 – *Гацовић С.* Бајања у култу мртвих код влаха североисточне Србије. Београд: Чигоја штампа, 2002.

Генчев 1974 – *Генчев Ст.* Семейни обичаи и обреди / Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София: Издателство на Българската академия на науките, 1974. С. 265–300.

Голант 2008 – *Голант Н. Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения) / Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Г.П. Клепиковой / Отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 272–322.

Голант 2011 – *Голант Н. Г.* Погребально-поминальная обрядность и мифологические представления, связанные со смертью у жителей северной Олтении (Румыния) / Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 145–150.

Ђокић 1997 – *Ђокић Д.* Биље у самртном ритуалу влаха североисточне Србије // Етно-културолошки зборник, Књ. III. Сврљиг, 1997.

Кайндль 2000 – *Кайндль Р.Ф.* Гуцули: їх життя, звичаї та народни перекази. Чернівци: Молодий буковинець, 2000.

Макаријоска 2016 – *Макаријоска Л.* Речник на македонската традиционална култура. Скопје: Графоден, 2016.

Паня 2017 – *Паня Н.* Грамматика погребальной обрядности / Пер. с румынского Н.Г. Голант. СПб.: МАЭ РАН, 2017.

12.Плотникова 1999 – *Плотникова А. А.* Кладбище // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 2 (Д–К). М.: Международные отношения, 1999. С. 503–504.

ПМА 2012 – Полевые материалы автора из коммун Тулничь и Негрилешть (округ Вранча, область Молдова, Румыния), сентябрь 2012 г.

ПМА 2022 – Полевые материалы автора из Заечарского и Борского округов Сербии, апрель-октябрь 2022 г.

Седакова 2004 – *Седакова И. А.* Этнолингвистические материалы из северо-восточной Болгарии (с. Равна, Провадийская община, Варненская обл.) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 10. Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян / Отв. ред. Г.П. Клепикова, А. А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 237–267.

Трефилова 2006 – *Трефилова О. В.* Этнолингвистические материалы из с. Кралев-Дол, Перничская область, община Перник, Средняя Западная Болгария

// Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики / Отв. ред. Г. П. Клепикова, А. А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 228–276.

Узенева 2008 – *Узенёва Е.С.* Этнолингвистические материалы с юго-западной Украины (с. Устерики, Верховинский р-н, Ивано-Франковская обл. // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Г. П. Клепиковой / Отв. ред. А.А. Плотникова. М: Институт славяноведения РАН, 2008. С.323–347.

Фрезер 1980 – *Фрезер Дж. Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. М. К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980.

Чобану-Цуркану 2010 – *Чобану-Цуркану В.* Похоронно-поминальная обрядность // Молдаване / Отв. ред. М. Н. Губогло, В. А. Дергачев. М.: Наука, 2010. С. 389–395.

Якушкина 2006 – *Якушкина Е. И.* Этнолингвистические материалы из Западной Сербии (с. Ставе, Валеvский край) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики / Отв. ред. Г. П. Клепикова, А. А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 299–323.

Atlasul etnografic... 1. Timoc 2011 – Atlasul etnografic român. Sărbători și obiceiuri. Români din Bulgaria. Vol. I. Timoc / E. Țîrcomnicu, I. Semuc, L. David, A. Dogaru. București: Monitorul oficial, 2011.

Atlasul etnografic... 2. Valea Dunării 2011 – Atlasul etnografic român. Sărbători și obiceiuri. Români din Bulgaria. Vol. 2. Valea Dunării / E. Țîrcomnicu, I. Semuc, L. David. București: Monitorul oficial, 2011.

Atlasul lingvistic... I 1955 – Atlasul lingvistic român. Serie nouă. Vol. I. / Sub redacția lui E. Petrovici. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1955.

Ciorănescu 2007 – *Ciorănescu A.* Dicționarul etimologic al limbii române. București: Saeculum I.O., 2007.

25. Dicționarul explicativ 1998 – Dicționarul explicativ al limbii române. Ediția a II-a. București: Univers enciclopedic, 1998.

Evseev 2001 – *Evseev I.* Dicționar de simboluri și arhetipuri culturale. Timișoara: Amarcord, 2001.

Gacović 2012 – *Gacović S.* Petrecătura. Căntece de petrecut mortul la românii din Serbia. București: Editura Etnologică, 2012.

Ispirescu 1967 – *Ispirescu P.* Făt-Frumos cel rătăcit. București: Editura Tineretului, 1967.

Kahane, Georgescu-Stănculeanu 1988 – *Kahane M., Georgescu-Stănculeanu L.* Cântecul Zorilor și Bradului. București: Editura Muzicală, 1988.

Marian III, 1995 – *Marian S. Fl.* Trilogia vieții. III. Înmormântarea la români. București: Grai și suflet – cultura națională, 1995.

.Marian I, 2008 – *Marian S. Fl.* Botanica poporană română. Vol. I (A–F) / Ed. A. Brădățan. Suceava: Editura Mușatinii, 2008.

Marian III, 2010 – *Marian S. Fl.* Botanica poporană română (Romanian folk botany). Vol. III (P – Z) / Ed. A. Brădăţan. Suceava: Editura Academiei Române, 2010. (In Romanian).

Micul dicţionar academic, 2010 – Micul dicţionar academic. Bucureşti: Univers enciclopedic, 2010.

Mustea, 1925 – *Mustea I.* La mort – mariage: une particularité din folklor balcanique // *Melanges de l'Ecole Roumaine en France.* 1925. P. 1.

Paunjelović, 2018 – *Paunjelović F.* Tradicionalna kultura Vlaha Crnorečja. Boljevac: ESPY, 2018.

Sandu, 1967 – *Sandu Timoc C.* Cântece bătrâneşti şi doine. Bucureşti: Editura pentru literatură, 1967.

Sărbători şi obiceiuri... I. Oltenia 2001 – Sărbători şi obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. I. Oltenia / Coord. I. Ghinoiu. Bucureşti: Editura enciclopedică, 2001.

Sărbători şi obiceiuri... III. Transilvania 2003 – Sărbători şi obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. III. Transilvania / Coord. I. Ghinoiu. Bucureşti: Editura enciclopedică, 2003.

Sărbători şi obiceiuri... IV. Moldova 2004 – Sărbători şi obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. IV. Moldova / Coord. I. Ghinoiu. Bucureşti: Editura enciclopedică, 2004.

Sărbători şi obiceiuri... V. Dobrogea, Muntenia 2009 – Sărbători şi obiceiuri. Răspunsuri la chestionarele Atlasului etnografic român. Vol. V. Dobrogea, Muntenia. / Coord. I. Ghinoiu. Bucureşti: Editura etnologică, 2009.

Šolkotović – *Šolkotović S.–D.* Ritualuri de trecere la românofonii din Serbia orientală. O morfologie eniro-etno-tanatică. Manuscris.